

биографии, связанную с его пребыванием в Киевском университете.

Примечания

1. ЦГИ УССР, фонд 16, оп. 351, ед. хр. 54.
2. Там же, фонд 274, оп. 3, ед. хр. 615, с. 8—10.
3. См.: Мамедов К. Ю. Чеменземинли. — Баку: Элм, 1981.
4. Впервые об этом письме говорится в вышеуказанной книге К. Мамедова.
5. Автор выражает признательность дочери Ф. Б. Ордубадского Зейнаб х-м, предоставившей возможность ознакомиться с архивом отца и его книгами.
6. ЦГИ УССР, фонд 274, оп. 4, ед. хр. 75, д. 1, т. I.
7. Там же, оп. 3, ед. хр. 31, с. 3.
8. Городской архив Киева, фонд 16, оп. 474, ед. хр. 670.
9. ЦГИ УССР, фонд 274, оп. 3, ед. хр. 32, с. 2.
10. См.: Абдулла А. Азербайджанско-украинские литературные связи. — Баку: Язычи, 1982.
11. ЦГИ УССР, фонд 274, оп. 4, д. 84, ч. II, с. 265—66.
12. ЦГИ УССР, фонд 274, оп. 4, ед. хр. 84, ч. I, с. 153.
13. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 66.
14. Киевский университет: Документы и материалы 1934—1984. М.: Высшая школа, 1984.
15. МГИ УССР, фонд 16, оп. 477, ед. хр. 670, с. 26.
16. См.: Абдуллаев Б. Ю. В. Чеменземинли и фольклор. — Баку: Элм, 1980.
17. Халилов П. Прототипы и образы. — Адабият ве инджесенет, 1967, 9 дек.
18. Абдулла А. Азербайджанско-украинские литературные связи. — Баку: Язычи, 1981.

Мэнэр Ибраһимова

КИЕВ ЭДЭБИ-ИЧТИМАИ МҮНТИИ Т. В. ЧӘМӘНЗӘМИНЛИНИН ЈАРАДЫЧЫЛЫҒЫНЫДА

Халылар арасында әдәби әзләгәрләrin өфөрнилмәси мусасир әдәбијатшунаслығын гарышында дуран ән мүнүн проблемалардан биридир. Бу баһымдан көркемлі Азәрбајҹан язычысы, әдәбијатшунас алымы во фольклоршунасы Ж. В. Чәмәнзәмилиниң әдәби маәрифчилек-фәалијәтти диггәттү чалг әдир. Мәгәләдә Азәрбајҹан язычысынын жарадычыллығында Киев ичтимай-сијаси мүнтина, хүсусиша 1910—1914-чу илләрдә «Гырымыз университетин» Ж. В. Чәмәнзәмилиниң талејинде ойнадыгы ролуна хүсуси диггәт јетириләр.

Киевде охујан азәрбајҹанлы тәләбәләrin ингилаби фәалијәттى, милли азадлыг угрунда апардыглары мубаризә мәгәләдә архив сәнәдләре эсасында ишыгандырылып. Ейни заманда мусојман тәләбәләринин Киевдәki «Нәҗерлиләр» тәшкилатынын кизлисијаси фәалијеттән данишылышы.

«Студентләр» романынъяң јенинә охунушу заманы Ж. В. Чәмәнзәмилиниң бер язычы кими формалашмасы, әсәрдә күнүн ән вачиб ичтимай проблемаларини экс етдири-мәси, онун идеаллары барадә бир сырға јени елми мұланиязәләр сөјләмәси мәгәлә мүәллиғинин диггәт мәркәзиндердидir.

АЗӘРБАЙҖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЯСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ
Әдәбијат, дил вә инчәсанәт сериясы, 1988, № 3

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия литературы, языка и искусства, 1988, № 3

ЗЕМФИРА КАРАБАГЛЫ

АБДУЛЛА ШАИК — ПЕРЕВОДЧИК НЕКРАСОВА

В историю азербайджанской литературы Абдулла Шаик вошел не только как знаменитый писатель, драматург и педагог, но и как видный переводчик. Отличный знаток мировой поэзии и литературы, он приобщил азербайджанского читателя к произведениям западной и восточной классики. Особенно велики его заслуги в переводе русской классической и советской литературы—Крылова, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького. Следует отметить немаловажное влияние этих переводов и на собственное творчество Абдуллы Шаика.

К творчеству Некрасова Абдулла Шаик обратился в 1948 году. Страстного проповедника гуманистических идеалов русской литературы Абдуллу Шаика не могла не увлечь некрасовская поэзия, полная гражданской силы и скорби, неразрывно связанная с народным творчеством. Переведенные им стихотворения: «Поэт и гражданин», «Несожжатая полоса», «С работы» и отрывок из поэмы «Мороз—Красный нос» вошли в сборник «Избранных произведений» Некрасова, выпущенный в 1971 году.

Отличительные черты этих переводов—строгое следование подлиннику, классическая простота и ясность лексики, органичность и спаянность стиха. Максимальная точность в передаче содержания оригинала в переводах сочетается с глубоким пониманием его поэтики. Язык переводчика прост и лаконичен, что, впрочем, свойственно всему творчеству Абдуллы Шаика, тесно связанному с народной традицией.

Переводя отрывок из XXX главы поэмы «Мороз—Красный нос», азербайджанский переводчик воссоздает сказочный образ Мороза с таким же соблюдением демократически-фольклорного стиля оригинала. «Подлинно народная форма некрасовского стиха с его эмоционально насыщенными эпитетами, с отрицательными сравнениями» [1] нашла в переводе Абдуллы Шаика соответствующие речевые аналоги, передающие песенную основу подлинника, воспроизводящие красоту его дикции и мелодики.

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз—воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Мешәдә јел дејил бу выјылдајан,
Дагдан да ахмайыр буланыг чајлар,
Бу Шахта бабадыр кешикәт дуран,
Мүлкүнә баш чөкір бејік мұлқадар.

Бахыр ки, мешәләр нә налда дурур,
Жаһынны силинимиши чығыр изләри?
Бир јердә галмышмын чатлаг, я чухур
Мешәнин вармыдыр бош галан јери?

Шам ағачларынын јумшагы башы?
Көзәлмә палыдын ачан нахышы?
О киңин я бејік суларда нә вар...
Мәнкәм бәркимиши дејілән бузлар?

Несомненной заслугой Абдуллы Шаика явилось приближение к подлиннику и в форме стиха. Одиннадцатисложный хеджа хорошо воспроизводит песенную, сказовую интонацию подлинника, его фольклорную основу. Музыкально-стилистическое чутье Абдуллы Шаика не обходит и звуковую организацию оригинала. «Звукопись в переводе должна быть как бы нечаянной и спаянной со смыслом» [2], — пишет Н. Любимов.

Так и здесь. Звукописью переводчик мастерски рисует картину зимней природы и черты ее мощного властелина — Мороза.

Так, например, в строке

— Мешәдә јел дејил бу выјылдајан
— Не ветер бушует над бором

сочетания звуков Ј, Л, Д создает иллюзию зимнего ветра, звенящего на морозе в лесу.

Употребление шипящих в предложении

— Шам ағачларынын јумшагы башы?
— Пушисты ли сосен вершины?

помогает зрителю восприятию русского пейзажа — леса, окутанного снежным покровом и вместе с тем переводит звукопись самого оригинала. Перевод, исполненный в метре неторопливого одиннадцатисложника, как бы повторяет мощную, размеренную поступь сказочного воеводы — Мороза. Таким образом, в небольшом отрывке, воссозданном Абдулла Шаиком, успешно отражены художественные особенности всей поэмы, в которой «проникновенно раскрыта самая суть народной души» [1].

Несколько иначе, чем в поэме, раскрываются образ простого крестьянина и сама народная жизнь в стихотворении «С работы», в котором Некрасов показывает безысходный трагизм положения крестьянина.

Анализ перевода этого стихотворения показывает, что стилевые черты произведения, его некрасовское, народное начало Абдулла Шаик доносит до родного читателя как истинный художник.

Здравствуй хозяюшка! Здравствуйте детки!
Выпить бы. Эки стоят холода.
—Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятинком?—
Ну, не беда!
И без вина отгорюясь я, грешный.
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголовдал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Салам, еј, гары, еј чолуг-чочуг!
Галх бир аз ички вер, сојугдур, сојуг.
— О күн ойбашило ичдин інәр нә вар!
— Ебі жох, онсуз да чаным гызышар.
Еләжә галх, ата гуллут ет бары,
Јазда ачылғ чәкіб, дур, тоғат гары!

В переводе — простая лексика, подчеркнуто крестьянский словарь, естественная разговорная интонация. С такой же безыскусственностью, как в оригинале, не сгущая красок, передает Абдулла Шаик трагизм крестьянского быта — измученному тяжелым трудом главе семьи в доме не находится даже крошки хлеба.

Простота в повествовании, так же как и в оригинале, только усиливает социальную направленность стихотворения. Недаром оно при жизни Некрасова подвергалось цензурным гонениям, а после его смерти запрещалось для массовых изданий и публичных чтений.

Стихотворение «Несжатая полоса», написанное в 1853 году, сразу же вызвало к себе пристальный интерес современников. Причиной этому явились необыкновенная эмоциональная сила стихотворения и его несомненная аллегоричность.

«Образ пахаря в этих печальных строках, действительно, обладает какой-то особой поэтической силой и невольно влечет к расширенному толкованию... — пишет В. Аникин, исследователь Некрасова, — Вероятно, здесь действует закон художественных ассоциаций» [3].

Эта иносказательность печального рассказа о больном пахаре в разное время привлекала к себе многих переводчиков. На азербайджанский язык стихотворение переводилось неоднократно. Перевод Абдуллы Шаика отличается наибольшей поэтической приближенностью к оригиналу. Он кропотливо ищет и находит в родном языке верные изобразительные средства для точной передачи эмоционального настроения стихотворения. С большим художественным талром переводчик находит нужный стиховой размер. Правда, четырнадцатисложный «хеджа» несколько увеличивает «площадь» стиха, но он же придает повествованию грустную монотонность — ассоциацию с нескончаемым осенним дождем. Соблюдение парной рифмовки подлинника также создает атмосферу грусти и уныния.

Вот как звучит стихотворение в переводе:

Пајыз сохдан кирмишdir. Гаргалар етмиш сәфәр.
Челләр бүтүн башалмыш, чырчылпагдыр мешәләр.
Анчаг бичилмәмнишdir дәнә долмуш бир экин,
Гәмли-гәмли дүшүнүр кәдәрли инсан тәкин.
Санки вермиш баш-баша пычылдашыр сунбулләр:
«Бизә пајыз човгуну верир, сыхынты, кәдәр».

Добиваясь максимальной адекватности, и смысловой, и поэтической, Абдулла Шаик и в этом переводе остается верным собственному переводческому методу: строгой и ясной лексике, экономности выразительных средств, упругости и сжатости стиха. Тем ценнее эквилинеарность перевода подлиннику при сохранении всех художественных особенностей оригинала.

В 1948 году Абдулла Шаик принимается за перевод вершины революционно-политической лирики Некрасова — стихотворения «Поэт и гражданин». Переводчика вдохновили его публицистичность, острый

дискуссионный накал, поэтичность. Больших успехов добился Абдулла Шаик в передаче художественных особенностей оригинала, в котором ораторская патетика сочетается с описаниями природы, а образные сравнения, метафоры, антитезы способствуют его социальной выразительности.

Перевод Абдуллы Шаика эквилинеарен подлиннику. В нем налицо исчерпывающая передача идеино-смыслового содержания, тонкое постижение его поэтики, стилистических нюансов подтекста.

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал.
Но пебу было неудобно,
Чтоб он под бурей запыпал,
Путь освещая всенародно;

Бир вахтда ки, азад вүриухур һөјвән,
Горхараг, авара доланыр инсан.
Сән шамы элиндә тутмушун мөһәм,
Анчаг о көйләрин изяни кәрәк
Ки, ишиг сачараг халгын јолуна,
Борайлар алтында о аловлана.

Своевременность и значение некрасовского стихотворения состояло в том, что в нем шла речь об острых вопросах современности. Клеймя тех, кто предан поклонению «единой личности своей», поэт обрисовывает картину, царящую в современном ему обществе.

Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им. А остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи — третьи мудрецы:
Их назначенья — разговоры.

Несмотря на некоторую увеличенность в объеме, нижеследующий перевод этих строк передает поэтическую выразительность подлинника.

Һәр кимә әзиңдир бу ана вәтән,
Бәхтијар үрәй дайм олур шән,
Нагг она көмәждир, бәс јерә галан?
Онларын сөнүкдүр бүтүн дилоји:
Бир гисми отрудур, газанч күдәндир,
Бир гисми зөвг илә нәгмә охујан,
Үчүнчү—мүдрикләр, бүтүн истәји
Һәр јерда өзүнә хидмәтдир анчаг!

Как тонкий мастер стихосложения, Абдулла Шаик придавал огромное значение форме произведения, ее роли в раскрытии идеино-образного содержания. В переводе он использовал одиннадцатистroочный размер, благодаря которому перевод звучит естественно и поэтично. С большим мастерством Абдулла Шаик сочетает разную рифмовку — перекрестную, опоясывающую, парную. Это разнообразие обуславливает гибкость интонации, непринужденность повествования, позволяет избежать монотонности в переводе.

Вот как отражается в переводе этот отрывок — поэтическая и эстетическая платформа Некрасова:

А ты поэт — избраник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба,
Не стоит веших струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог душе людей
И волль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!

Еј көјүн сечилмиш шаири, ојан!
Ач һәнгәтләри, вер халга хәбер.
Инанма, чәрәкзиз, јохсул кимсаләр
Дәјәмз о гәлбүк сазлы нәгмәнә.
Инанма, халгын мәйн олмуш дејәнә.
Халгынын гәлбиндә өлмәмиш имал.
Көксүндә ҹаглajan фыртына, туфан
Көмәк ејләјчәк она һәр заман.

Секрет большого переводческого успеха А. Шаика заключается в огромной взыскательности поэта в работе. С поразительным трудолюбием переводчик вновь и вновь отшлифовывает каждую строку, стремясь к максимальному тождеству.

По рабочим текстам переводов, любезно предоставленным нам членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР профессором К. Талыбзаде, можно проследить за эволюцией перевода, отметить, как оттачивалось мастерство поэта-переводчика.

«Афористически точные, концентрированные до предела формулы революционно-политической лирики, ставшие крылатыми еще при жизни автора» [1, 234], переводчик старается донести до родного читателя в таких же концентрированно-метких выражениях.

«Ты мог бы правильней судить,— отвечает Гражданин Поэту в их бурной полемике, —

Позтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.

Таков первоначальный вариант этого отрывка:

Јанылдын, етмәдин дүз мүһакимә,
Шаир дә олмаја биләрсан, анчаг
Вәтәндаш олмага мумкүнү дәннә?
Вәтәндаш кимләрдир? Дејилир кимә?
Вәтәнә вә халга лајиг огула.*

Но Абдулла Шаик его счел неубедительным. В результате поисков, неоднократной замены лексических эквивалентов, он приходит к такому звучанию перевода:

Сән шаир олмаја биләрсан, анчаг
Вәтәндаш олмага бил ки, борчлусан.
Вәтәндаш бәс кимдир? Бир дејин, баҳаг?
Вәтәнә, халгына эн лајиг огул.

* Рукопись этого варианта находится у сына А. Шаика, члена-корреспондента Академии наук Азерб. ССР, профессора К. Талыбзаде.

Сравнение нескольких вариантов переводов «Поэта и Гражданина» позволяло видеть как в последнем исчезало случайное, как возникало лучшее решение, более точная передача авторской мысли и образа.

В общем, перевод «Поэта и Гражданина» основан на глубоком прочтении оригинала и в наше время воплощает лучшие традиции азербайджанской школы поэтического перевода. При анализе перевода стихотворения яснее вырисовываются удачные находки, впрочем, видны и промахи. Например, в последней строфе стихотворения вновь появляется образ Музы, которая отвернулась от Поэта, «презренья горького полна».

О Муза, гостью случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Убы, кто знает? рок суворый
Все скрыл в глубокой темноте.

Перевод этого отрывка несколько отличается от верности оригиналу:

Еј шéр пéрси, иечин бир заман
Гéлбимин свинé колирдин гонаг?
Дæдлы нæфмæлæри јохса ки, чохдан
Гæза тéhfa вермиш инунчун анчаг?
Ким билir, hær шeji бу тæ'le, фæлæk
Зулmætæ кеммушdур, чох ағyrдыр бу!

В последнем двустишии буквальный перевод также приводит к потерям — и смысловым, и поэтическим.

Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте.
Анчаг тæk кедирди тиканлы чæлæнк
Сæнин о кæдæрли һуснүнэ догру.

В данном случае глагол «шел» употреблен в значении «подходил», «соответствовал», поэтому перевод должен был звучать примерно так:

Сæнин кæдæрли һуснүнә ялныз
Тиканлы чæлæнк јараышыды.

Но эти незначительные промахи, конечно, не могут снизить поэтических достоинств большого труда переводчика.

Переводы Абдулла Шаига, несомненно, явились большим вкладом и в дело распространения некрасовского наследия в Азербайджане и в советскую школу переводческого искусства. Можно с уверенностью сказать, что принципы поэта-переводчика А. Шаига в значительной мере определили дальнейшие пути перевода на азербайджанский язык.

Примечания

1. Жданов В. Некрасов. — М., 1971, с. 388.
2. Любимов Н. Перевод — искусство. — М.: Сов. писатель, 1964, с. 255.
3. Аникин В. Кому на Руси жить хорошо? — М.: Худож. лит., 1973, с. 98.

Зенфира Гарабаглы

АБДУЛЛА ШАИГ НЕКРАСОВУН ТЭРЧҮМЭЧИСИ КИМИ

Абдулла Шаиг Азэрбајҹан эдабијаты тарихинде тæкчæ бир язычы, драматург, педагог кими дејил, бачарыглы бир тэрчүмэчи кими дæ мүһум јер тутур. Хусусијә онун

Крыловдан, Пушкиндән, Лермонтовдан, Толстојдан, Чеховдан, Горкидән етдији тэрчүмэләр чох кејfiјәтлидир.

А. Шаиг 1948-чи илдән етибарән Н. А. Некрасов јарадычылыгына хусуси мараг көстәрмил, онун «Поэт и гражданин», «Нескатая полоса», «С работы» шे’рләрини вә «Мороз—Красный нос» поэмасынын бәзи ниссаларини Азэрбајҹан дилинә чевирмишdir.

А. Шаигин тэрчүмәләри Некрасов ирсисин Азэрбајҹанда јајымасында хусуси рол ојнамышдыр. Магазадә бу мæсәләдән бәhc олунур.

Магазадә Некрасов әсөрләрини А. Шаиг тэрәфиндән Азэрбајҹан дилинә тэрчүмәен илэ баглы мæсәләрин шәрниң кениш јер верилмишdir.